

ФИЛОСОФИЯ

УДК 355.01

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-4-17

МИРОВОЙ ПОРЯДОК: СЕТЬ ВМЕСТО ИЕРАРХИИ

Шоркин А. Д.

***Аннотация:** До настоящего времени представления о мировом порядке были непременно сопряжены с устойчивостью иерархии акторов геополитики. Он был фактически сведен к результатам борьбы за лидерство и мировое господство, к разделу сфер влияния. Силовые методы установления и поддержания порядка полагались нормальными. Сегодня риски следования этой традиционной стратегии недопустимо высоки. В статье анализируются попытки преодоления вездесущности принципа иерархий с методологической позиции акторно-сетевых теорий и плоских онтологий. Известному варианту сети (social network) следует предпочесть сеть нового поколения (world net) без наличия и субординации привычных акторов в ее узлах. Перспективным шагом к построению нового мирового порядка и новой свободной сети является проект БРИКС.*

***Ключевые слова:** мировой порядок, иерархия, актор, сеть, плоская онтология.*

Обыкновенный «мировой порядок»

Большей частью упоминания и апелляции к «мировому порядку» (МП) в дискурсах политиков и политологов являются скорее разговором не о том, что реально существует, а относительно того, что хотелось бы, чтобы существовало. На самом деле не порядок правит миром, в нем скорее царит беспорядок.

То, что обычно называется «порядком», по сути, является указанием на слабые попытки хотя бы немного усмирить торжествующий хаос грубого насилия. Насколько мало они успешны, можно судить по наличию войн, без которых редко обходился хотя бы один год за многие тысячи лет человеческой истории. Посмотрим правде в глаза: или такие перманентные практики человекоубийства следует объявить нормальными проявлениями «порядка», или нужно признать, что его, к сожалению, установить – со времен палеолита и по XXI век – так и не удалось.

Так как смирение не относится к числу распространенных добродетелей (особенно у власть имущих), честно признавать поражение в борьбе с беспорядком никто и никогда не намеревался. Войны, конечно, почти единодушно всегда понимались в качестве неизбежного средства установления мирового порядка. Изменчивость социального мира якобы влечет за собой необходимость силового установления нового порядка.

Мало того, что таким не слишком тонким софизмом оправдывались практики челове-

коубийства, представители власти также не могли допустить, чтобы их попытки упорядочить мир кто-либо посчитал «слабыми». Ибо нет ничего унижительнее слабой власти. На деле устроители порядка большей частью имитировали свое стремление к общей мировой цели, а реально отстаивали свои частные (региональные, групповые, национальные) интересы: новый общий порядок нужен постольку, поскольку он соответствует моей правде.

В итоге странный – строго говоря, вырожденный – порядок получался всегда в истории. Он устанавливался и поддерживался насильственными методами, вплоть до физической ликвидации непокорных, если их нельзя было запугать или подкупить. Его, что-де нормально, сопровождают войны, которые вовсе не считаются индикаторами хаоса, но трактуются в качестве рецидивов смуты; а смуту, согласно правилам порядка, нужно подавлять. Первостепенная задача – определиться с доминированием, показать, кто главнее и сильнее. Затем подтащить сателлитов и уже группой (ей присущ откровенно стайный характер) подавить остальных, заставить всех играть по ситуативным правилам, выгодным вожаку.

Правила эти лидер не только всем диктует, но также меняет по своему произволу. В итоге апелляция к порядку в устах гегемона вырождена в хвастливый и нагловатый окрик. Все другие, зависимые акторы действия, в глубине души понимают лукавство сложившейся ситуации, но мирятся с ней из прагматических соображений. Несогласные – те, кто бунтует против навязываемого порядка, – всегда стремились только к одному: стать на место гегемона и диктовать свой порядок. Восстания рабов имели целью поработить рабовладельцев.

Нельзя сказать, что смена «порядков» вообще не несла с собой чего-то позитивного – и не только для его новых учредителей, здесь как раз выгода очевидна. Победители со временем перестали все же съедать побежденных и даже брать их в рабство. Первобытный каннибализм удалось сублимировать: рациональнее не отнимать жизнь сразу и целиком, а делать это постепенно, путем присвоения чужого жизненного времени и продуктов труда. Так первые скотоводы стали сохранять в стадах живое мясо вместо привычных охотничьих практик получения убоины. Раб, крепостной или наемный работник – это только разные социальные техники, посредством которых преследуется неизменная цель поглощения «кусков» чужих жизней. Не стоит полностью опустошать и грабить завоеванную территорию, выгоднее использовать ее в качестве долговременного донора. «Умные» насекомые парализуют жертву, чтобы в беспомощное тело отложить яйца, а тем обеспечить личинок кормом.

Прогресс в отношении мирового порядка, таким образом, в лучшем случае состоял в некоторых, отчасти устремленных к гуманизму, сублимациях первобытных примитивов, но в основном оставался жестко ограниченным воспроизведением приемов функционирования биологических пищевых цепей с хищником на вершине.

Ф. Ратцель сравнивал государство с примитивной губкой, которая щупальцами нащупывает соседа с намерением его поглотить и переварить. Закономерно, что организмические и всякие иные природные образы (хищников, деревьев, которые борются за место под солнцем, притягивающих друг друга небесных тел или сталкивающихся тектонических плит) давно формируют гештальты геополитических моделей мира. Та-

ковы и современные «полюсные» модели. У С. Хантингтона «стержневые» государства посредством «организованного насилия» притягивают более слабых. Согласно же З. Бжезинскому, «геополитические центры» отличны от «геостратегических действующих лиц» уровнем активности. Словом, мировой порядок в основном понимался посредством наблюдения над реальным поведением субъектов мировой политики: всегда эгоистичным, иногда – хаотичным, а по внешней оценке – наглым или терпимым.

Соответственно, «кардинальные перемены» геополитической трансформации современного мира многие авторы усматривают в изменении весов действующих акторов (прежде всего их военной мощи, экономических перспектив и демографических показателей). На этом основании, например, Дж. Паркер описывает шесть моделей, характерных той или иной конфигурацией центров сил, а М. Каплан – варианты стабильности международной системы, в которых достигнут баланс сил акторов [1]. Силовые веса акторов определяют диапазоны их властных полномочий и так детерминируют установление МП. В ракурсе кратологии указанием на особенности реализации властных отношений И.Ф. Кефели выстраивает даже общую картину сфер социального и личностного бытия [2, с. 68].

Конечно, властные отношения невозможны без иерархий. Акторы политики не могут не мериться силами, не стараться «быть наверху». Как справедливо отмечает И.А. Исаев, «иерархия – непрменный атрибут всякой власти» [3, с. 99]. Если традиционно отождествлять МП с конфигурацией силовых возможностей акторов, с установлением баланса властных полномочий, то грядущий «конец времени власти» следует, вслед за И.А. Исаевым, признать апокалипсисом. Но в самом ли деле отказ от иерархии акторов повлечет за собой катастрофу всемирного масштаба?

Прежде чем привести доводы в защиту модели МП, который может быть установлен независимо от иерархий политических субъектов и всяких силовых балансов, кратко остановимся на пользе иерархий.

О пользе (и об изъятиях) иерархий

В методологическом отношении, признаем очевидное, все версии вырожденного мирового порядка основаны на принципе иерархии. Устройство геополитического мира мы трактуем по аналогии с тем, каким образом привыкли видеть устройство почти всех наблюдаемых объектов.

В мире повседневности есть глава семьи, родители, которых должны слушаться дети. Мудрые старейшины руководят общинами. В армии есть командир и солдаты, на работе – начальник и подчиненные. Социальные стратификации традиционно строились разделением высших и низших сословий (неважно, по «чистоте крови», по доходам или в силу кармического наследия). Наставник, гуру, учитель неизменно помещались на вершинах образовательных пирамид. Простолюдину не место в «высшем обществе», невеже – среди знатоков и посвященных. «Разряд» токаря или спортсмена определяет уровень его квалификации, мастерства. Даже в играх выбирается капитан команды. И в животном мире биологические виды сосуществуют как иерархии пищевых цепочек. На иерархиях зиждутся и холизм, и оккультизм. Схоласты распределяли все вещи мира по ступени бытийного совершенства. Современные психологи представляют рост потреб-

ностей человека в виде пирамиды. Путь от греха к добродетели традиционно полагался лестницей восхождения духа. Даже сфере сакралий присущи «небесные иерархии» и «ангельские чины». Словом, без авторитетов жить никак невозможно.

Для теолога упорядочение сакралий состоит в построении божественной и сатанинской властных иерархий, которые разнонаправлены, повернуты друг к другу нижними частями пирамид. Пока мир разворачивается как оппозиция священного и мирского, речь неизбежно идет об «иерархии ценностей». В аксиологии Г. Лотце идеи Добра и Красоты уступают высоте идеи Священного, оставаясь его атрибутами. Ф. Ницше прямо сводит ценность к количеству наивысшей власти. Однако уже Г. Риккерт более осторожно говорит о системе шести ценностных сфер. Но всякая ли система является иерархией? Разве открытые и самореферентные системы не сопряжены с дискредитацией иерархий?

Бесспорная методологическая и практическая конструктивность иерархий, однако, в XX веке получила новую мощную поддержку авторитетом кибернетики. Наряду с «информацией» и «управлением» «иерархия» вошла в число ключевых понятий кибернетического подхода как универсальной основы упорядочивания. Сложилась эффективная иерархическая парадигма. Тезис об иерархическом характере всякого взаимодействия объектов получил научную санкцию, все более вескую в связи с бурным развитием информационных технологий.

И все же достаточно простые примеры указывают на неадекватность попыток иерархического ранжирования многих реальных объектов. Мужчины, например, или женщины могут претендовать на более высокое место в иллюзорной иерархии полов разве что в силу необоснованных предубеждений или просто в шутку. Кто, кроме безнадежных ксенофобов, рискнет расставлять культуры по степени совершенства? – разве что замшелый сторонник классического позитивизма. Только расист отважится отстаивать превосходство одной из рас и ранжировать остальные по степени ущербности.

Принятая одной из групп акторов (ее именуют коллективным Западом) иерархия стран имеет вершиной, конечно, «развитые» страны самого Запада. Остальные страны – понятно, недоразвитые – чтобы не обижать отставших именуются «развивающимися», а которые похуже – «вступившими на путь развития». За этими лицемерными риторическими изысками, помимо амбициозности, скрыта дискуссионность критериев развитости, индикаторов ее измерения. И уж совсем вне всяких критериев, просто голословно эта же стая акторов сортирует страны и политические режимы по степени их «демократичности» и «свободы». По сути, в методологическом отношении здесь мы имеем дело с имитациями построения иерархий.

Помимо неприкрытого прагматического интереса, имитации используются как способ представать в виде иерархий отношения объектов, реально связанных совсем иначе. Многие объекты могут быть связаны, как демонстрируют приведенные выше примеры, отношениями дополнительности, образовывать бинарные оппозиции (мужское – женское). Далекое не все в мире устроено по принципу курятника, где высота занимаемой актором жердочки (чем выше, тем теплее и чище) определяется его

статусом. Бинарные оппозиции зачастую имеют только горизонтальную, а не вертикальную развертку, отношения дополнительности характеризуются плоской онтологией. Здесь никто не ставит лестницы, которая вела бы наверх, к «высшему». Ни один из оттенков серого не имеет преимуществ, для полноты сексуальности, считает Э.Л. Джеймс, нужны все пятьдесят.

Отчасти ограничения вездесущности иерархий были инспирированы открытием систем с обратными связями. «Петли», разнообразие вариантов связности в пространствах фон Неймана диссонируют с простотой иерархической лестницы. А в укрепившейся к XXI веку научной синергетической картине мира «диссипативные структуры» (ими считаются почти все реальные объекты) характеризуются не только упорядоченными аттракторами, но также хаотичными состояниями. В аттракторах иерархии возможны, в бифуркациях – бессмысленны.

«Роковое исчерпание и расщепление единой лестницы», ущербность парадигмальной «схемы восхождения» В.С. Библер обоснованно противопоставил реальной динамике культуры [4, с. 262]. Собственно говоря, культурология в качестве науки изначально складывалась (например, у Н.Я. Данилевского) на основе принципа дополнительности культур, построения их архитектоники или, на современном жаргоне, «ассамбляжа». Абсурдно пытаться представить разнообразие культур и сложное древо их развития в виде иерархии. Судя по доске, сложно понять суть причудливо разветвленного дерева, из которого ее изготовили. И разве реальные взаимодействия акторов, устанавливающих мировой порядок, как и сам этот порядок, сводятся к бесхитростной прямолинейности доски?

Состояние современного МП (в придачу к господствующему его истолкованию как иерархии акторов) отягощено также двумя существенными обстоятельствами.

Первое. В связи с резкими изменениями взаимных весов акторов будущее становится все более невнятным и угрожающим. В наступающем мире абсурда (о чем, например, с тревогой повествуют А. Камю и К. Ясперс, М. Хайдеггер и Х. Ортега-и-Гассет) звезды только дезориентируют, а люди пытаются утопить тревогу в бессмысленном потреблении, в погоне за наслаждениями. Симптоматично название работы Р. Гвардини – «Конец Нового времени», – в которой он пишет, что «человек вновь стоит лицом к лицу с хаосом» [5, с. 135]. Здесь автор следует Владимиру Соловьеву, который утверждал, что драма истории в основном уже завершена, а с XX века будет доигрываться лишь ее эпилог; или Освальду Шпенглеру с его «закатом Европы»; но больше – Дмитрию Мережковскому, который символически вскрывал «тайну Запада» как очередного апокалипсиса в круговороте катастроф истории. Энтони Гидденс называет современный мир «ускользающим»: он подвержен перманентному переструктурированию. Словом, кризисная ментальность, отмечают многие авторы, характерна мозаичностью, хаотичными ситуативными переменами, неоднородностью и текучестью социальных структур. Конечно, хаос как альтернатива порядка отнюдь не способствует его установлению.

Другим обстоятельством, затрудняющим поиск МП, парадоксально является возрастающее совершенство средств массовой информации. Если прежде политика хотя бы отчасти выстраивалась «от жизни», то ныне массовое мнение, которое политиками

все же учитывается, преимущественно складывается СМИ: люди все больше видят жизненный мир таким, каким его подают на экране. Всемирные сети оказывают избыточное влияние на общественное мнение, «картинки», иллюзорные сценические постановки успешно заслоняют реальность. Естественно, и политика приобретает спектаклярный характер: многие лидеры озабочены скорее тем, чтобы эффектно сыграть свою роль в сценическом действе и в такой игре получить признание, чем быть полезными лидерами на деле, в жизненном мире. Тогда каким образом к мировому – не постановочному, а подлинному – порядку с такими лидерами прийти?

Ни первое, ни второе из этих осложняющих поиск МП обстоятельств мы, похоже, изменить не в состоянии. Остается задуматься над тем, каким образом возможна модель МП, которая не исходила бы из задачи построения иерархии акторов политического действия.

ANT – смиренный бунт против иерархий

Конечно, «смиренный бунт» – это оксиморон, который призван подчеркнуть здесь реальную скромность результатов, которых достигли сторонники «сетевых подходов» в попытках свержения идиологов иерархии. Речь не идет о том, чтобы подвергнуть сомнению плодотворность АСТ («акторно-сетевой теории»): она фактически является даже не теорией, а целым семейством подходов с богатой историей и весомыми достижениями. Речь идет лишь об отдельном и конкретном вопросе: насколько успешно в дискурсах ANT удалось преодолеть иерархическую парадигму?

С 30-х и до 70-х годов XX века, когда понятия «ткань», «сеть» или «паутина отношений» стали широко применяться для описания социальной жизни, ими метафорически означались практики интеракций, взаимных влияний и взаимодействий между людьми и их группами. Плотность, текстура social network (социальных сетей) или webs (паутины отношений) Якобом Морено или Куртом Левиным моделируются топологически, применением математической теории графов. Люди представлены вершинами графов (Т. Ньюкомб называет их «операторами»), их отношения – ребрами. Такую, к примеру, «карту» философских традиций Р. Коллинз строит как топологическую схему личных знакомств философов.

С тех пор узлы network так и остались представленными действующими акторами – индивидами, группами, организациями. Именно они определяют вершины графов и изучаются посредством складывающихся между ними отношений. Естественно, нелепо игнорировать масштаб акторов, их мощь и силу. Взаимный или относительный «вес» или «ранг» разных акторов определен на модели уже числом ребер, сходящихся к той или иной вершине. Но наделять рангом – это и значит выстроить иерархию!

Поэтому претензии М. Кастельса и его многочисленных сторонников на то, что в современных обществах сетевые принципы устройства якобы вытесняют прежние, традиционно основанные на иерархиях, скорее фиксируют робкий тренд, выражают лишь надежду. Этот тренд за пределами социологических штудий оставался почти незаметным. Он мало на что влиял вплоть до появления сетевых информационных технологий, которые весьма кстати дополнили технологии сетевого маркетинга. Успешность IT и

транснациональных корпоративных сетей в сочетании с плодотворностью сетевых моделей социальных отношений трактуется в том якобы позитивном смысле, что капиталистический способ производства к XXI веку привел к информационной, сетевой и глобальной экономике, и что АСТ – «самая масштабная попытка осмысления сегодняшнего состояния и путей развития человеческой цивилизации» [6, с. 84].

Подобный оптимизм основан на смешении совершенно разных сетей или на попытках выстроить снова их некоторую иерархию. Примером псевдопроблемы на этот счет может служить увлекающая некоторых авторов дискуссия о том, компьютерные ли сети составляют основу социальных сетей или наоборот – что из них «глубже». АСТ отнюдь не покончила ни с принципом иерархии, ни с силовыми властными установками. Схватки между сетями ТНК, их борьба за первенство ничуть не стали менее ожесточенные, чем прежние классические (то есть, волчьи) методы конкуренции. Провайдеры интернета хорошо знают свои ранги и мечтают о монополии. Многих ли пользователей web-сети сделали лучше, уберегли от ожесточения, способствовали, даже странно говорить, скромности? Разве не измеряется успешность канала или программы числом подписчиков? Все субъекты конкуренции здесь весомее или слабее. Но когда на ровненькую сетку батута помещаются шары разного веса, вся ее исходная горизонтальная демократичность сменяется кривизной, и все шары катятся к самым тяжелым из них. В узлах social network, напомним, помещены именно «шары» – неизбежно ранжированные акторы. Насколько функциональна рыбацкая сеть, узлы которой по величине различались бы, подобно геополитическим акторам, в тысячи раз?

Исследователи, которые применяют АСТ для изучения конкретных вопросов (например, экономики или бизнес партнерства) твердо понимают сеть как многоуровневую и гибкую социальную структуру, но составленную именно акторами, которые и полагаются объектами изучения [7, с. 158].

К методологическим достоинствам АСТ, конечно, следует отнести гибкость сетей в сравнении с жесткостью иерархий. Они не только мягче и подвижнее. Сети также размывают обременительную, часто избыточную четкость границ, которая присуща строгим иерархиям.

В качестве позитивной метафизической черты отметим также, что принятая в АСТ коррелятивная нераздельность акторов и сетей перспективна в том плане, что без труда допускает гетерогенность акторов культурного и природного свойства. Актор – это и объект, и субъект; он, согласно некоторым оценкам, даже скорее является процессом, отношением, нежели вещью. Понятие актора расшатывается, десубстанциализируется, перестает с необходимостью полагаться в качестве субстрата, потому как всякой сущности, в чем уже не сомневаются молодые сторонники АСТ, предшествуют отношения [8, с. 167]. Иными словами, главными структурными элементами, если вообще уместно различать узлы сети и ее ячейки, могут полагаться не узлы сети, которые образованы взаимодействующими акторами, а нити сети, ее ячейки. Конечно, это составляет метафизически важный шаг, который ведет к отказу от классической в средиземноморской культуре онтологии субстанции. Жиль Делёз, Мануэль Деланда или Бруно Латур строят

онтологию процессов, а не объектов. Актанты (акторы) теперь сорваны со своих мест в иерархиях, они «бездомны», и все, что стоит знать об этих тощих понятиях, следует из наблюдаемых взаимодействий [9, с. 150]. Онтологическая демократия, уравнивающая в АСТ вне каких-либо иерархий материальные и идеальные феномены, симптоматично именуется «плоскими онтологиями» [10].

Плоские онтологии

«Новая социальная онтология» («онтикология», как ее называет М. Деланда), по мнению многих авторов, произвела «онтологический поворот XXI века» [11]. Ему посвящен значительный объем дискуссий, содержание плоской онтологии ныне представлено рядом версий. Круг идей, на которые она опирается (удачно ассимилирует, транслирует или продуцирует), бесспорно, заслуживает внимания.

К их прямым предтечам прежде всего следует отнести идеи синергетики, постановку вопроса о том, каким образом порядок может внезапно измениться, смениться хаосом, из которого вдруг возникают имплицитно содержащиеся в нем новые порядки. Вне какой-либо связи с математическими выкладками подобных «теорий катастроф» Бернхард Вандельфельс под влиянием Мишеля Фуко пишет о том, как прежний, классический *Ordo*, великий и неизменный, ныне расщепляется на многие порядки, ограниченные и сменяемые. Они скромнее и подвижнее, без замаха на всеобщность и следуют из «респонзивной» (от слова «ответ») феноменологии, основанной на отношениях «своего и чужого». Математика синергетики здесь ни при чём, а вот идеи – перекликаются, на то они и полиморфны. Никлас Луман, также из умозрительных оснований, исследует перспективы перехода от бессвязности – к порядку. Славой Жижек резюмирует более ранние идеи Алена Бадью и Луи Пьера Альтюссера в концепте «непредставимого порядка», лежащего «в сердце символического».

Еще в первой половине XX века подобные идеи снисходительно оценивались бы как экзотические причуды. Только в далекой первобытной архаике хаос считался бездной, в которой все исчезало в неразличимости, но именно поэтому – одновременно великой порождающей силой, из которой все может и возникнуть. Но уже более двух тысяч лет «хаос» безнадежно утратил былую мощь поглощения и порождения, стал просто ущербным «беспорядком». Преодолеть сложившееся предубеждение было не просто. Как видим, складывающимся представлениям о новом порядке плоских онтологий предшествует щедрая идеями история.

К важнейшим оригинальным идеям плоских онтологий, пожалуй, следует отнести понятие «сборки» как первичной реальности. Под ней понимается любая ассоциация, сеть, множество, теория, машина – все, что способен «собрать» актер. Конечно, любая сборка открыта и изменчива.

Основной же недостаток концепций плоских онтологий состоит в их недостаточной проработке – в сырости.

Так, «сборка», согласно замыслу, может быть любой. Однако в АСТ таким сборкам, как «общество» или «культура» места нет: они отвергаются как чересчур универсальные. Универсума не существует, он – только фикция, плоское бытие – это миры «плю-

риверсума», «гетероверсума». Не слишком ли большая эта жертва – утрата объектов социологии и культурологии, их замещение реляционными предметами исследования?

«Идите за актерами» – формулирует Бруно Латур единственно продуктивный, как он считает, лозунг для исследователя [12, с. 313]. Но как это совмещается с признанием сборки как первичной реальности? Логичнее было бы сказать: «оставьте актеров, идите за сборками». Но представителям АСТ не удастся с актерами расстаться.

Серьезным изъяном является также отмечаемый некоторыми авторами эпистемологический агностицизм, который свойственен плоским онтологиям [13, с. 110]. Дело в том, что любые сборки равнозначны, а значит, в их поле невозможна когнитивная иерархия: понятия истины и заблуждения, правды и лжи лишены смысла.

Наконец, концепцию плоских онтологий серьезно компрометирует ее легкая совместимость с идеологией трансгуманизма. Из того, что human actors (люди) полагаются равнозначными non-human actors (организациям, биоценозам, машинам, нарративам, габитусам и т.д.) зачастую выводится, что гуманизм вообще не имеет каких-либо предпочтений. Вполне в духе Макса Шваба, Джереми Рифкина, Рея Курцвейла или Жака Аттали ряд сторонников АСТ и плоских онтологий усматривают единственную альтернативу исчезновения человечества в радикальной трансформации телесности людей и их психики. По-настоящему, ценой становления лелеемого ими постчеловека оказывается отказ от гуманизма.

И все же концепции плоских онтологий применительно к АСТ присуща важнейшая имплицитная интенция построения сети «нового поколения»: сети иной, чем social network, сети, начисто избавленной от иерархий. Ибо иерархия никак не может быть плоской.

Сеть без иерархий: процессуальная парадигма

В арабо-мусульманской или китайской культуре мир понимается как процесс, в западной, средиземноморской традиции – как мозаика и игра субстанций. Или мир сложен из «кирпичиков», или он просто «ветвится кустом и растет», неважно из чего – из Великой Пустоты или иного потаенного корня. Здесь нужно определиться: какой из парадигм – субстанциональной или процессуальной – стоит следовать в поисках сети мирового порядка.

В построенных версиях плоских онтологий этот принципиальный вопрос решается контекстуально. Тем не менее часть авторов (напомним, Делёз, Деланда и Латур) отчетливо склонны к онтологии процессов. С нашей точки зрения, в понятии «сети» важен именно процессуальный, а не привычный субстанциональный характер организации упорядочивания. А.В. Смирнов справедливо истолковывает сетевой порядок как «цепочки действий», как устойчивость скоординированных действий, их кластеры [14]. Сеть может только вырасти, ее нельзя сплести так, как плетут силки или рыбацкую сеть, а затем посулами и давлением навязать слабым и покорным. Такая сеть вообще не предназначена для ловли слабых. Потому и рвать ее никому, кроме заведомого злодея, в голову не приходит. Напротив, ее ценить и беречь стоит. Ибо процессуальная сеть складывается на добровольных началах и предназначена для добровольного же совместного пользования.

Ее узлы – это вовсе не сами акторы, но договоры свободных и равноправных акторов, а нити и ячейки – согласованные алгоритмы взаимовыгодных действий. В world net,

назовем так сети нового мирового порядка, никто не рискует попасться, как в ловушку: они плетутся общими усилиями. Ни одна из сторон не может быть добычей, выгодный всем «улов» добывается координацией совместных действий, но ни в коем случае не извлекается за счет ущемления интересов кого-то из акторов. Нити ячеек сети сплетены движениями разных акторов. Чем больше акторов и чем интенсивнее они снуют по проторенным путям, тем шире и удобнее они становятся, тем прочнее «вяжутся нити», крепнут и ветвятся ячейки.

Сопоставление акторов возможно лишь *post factum*, по их вкладу в построение и укрепление сети. Акторы находятся вне слоя сети, и только привычка к иерархиям подталкивает к некорректному вопросу: «но где же именно, над сетью или в ней?». Однако сетевой актор – и не рыбак, и не его подводная добыча. Мировой порядок зиждется на устройстве и развитии сети, ранжирование акторов второстепенно и к порядку вообще не относится. Конечно, сеть нужна для получения социального капитала (здесь Коулмен прав). Но непременно всеми ее акторами, и по согласованным паям. Жареная рыба к столу после удачного заброса сети – это совсем не то, что хотелось бы рыбе.

Сеть нового поколения – *world net* – по-настоящему плоская. Топологическая размерность плоскости равна двум. Нет сетей менее и более высокого уровня, что обесценивает претензии «многоуровневого сетевого анализа» (если только не относить «многие уровни» к качеству исследований, к глубине анализа). *World net* не развернута в высоту, ее топологическая размерность никогда не достигает трех, но вследствие слоистости сети может быть чуть больше двух. Слоистость сети, ее дробная размерность непривычны, но совершенно нормальны в синергетике процессов. Слои *world net* можно интерпретировать, например, как дополнительные и частные соглашения к договоренностям фундаментального свойства или особенности их регионального применения.

Примером сети старого поколения *social network* может служить ООН, где иерархия акторов очевидна. Собственно, «нации» и есть акторы, из которых сеть ООН сложена. С момента создания акторы в основном занимались тем, что «тянули одеяло на себя», с изменением их веса мировой порядок расшатывался, организация становилась все менее жизнеспособной.

К неудавшейся попытке выстроить лучшую сеть следует отнести создание ЕС. Европейские нации поступились суверенитетом и полноценной ролью акторов, передав полномочия общему бюрократическому управлению. Вопреки ожиданиям, новый актор не суммировал потенциалы полученных суверенитетов. Произошло катастрофическое измельчание, деградация национальных политических элит, а общеевропейская управленческая верхушка изначально, дабы не дразнить национальные элиты, была и остается мало компетентной, серой.

Среди исторических прецедентов покушения на принцип иерархии акторов, как ни странно, находится Вестфальский мир. Введенный им новый европейский порядок, конечно, был основан на примате национальных суверенитетов, вполне в духе акторно-сетевых представлений. Однако выход из системного кризиса и Тридцатилетней войны стал возможен посредством отказа от иерархии конфессий. Достижение веротер-

пимости было сложным и мучительным процессом. В методологическом отношении он состоял в ограничении роли акторов, в частичной замене social network сетью world net. От прежнего принципа «чья страна, того и вера» пришлось отказаться.

Сеть ВТО изначально в значительной мере складывалась как world net. Пока некоторые могущественные акторы ее не искорежили и едва ли не сломали, исходя из частных интересов. Но ВТО – это, конечно, далеко не мировой порядок. Хотя и важная его часть.

Судя по первым (правда, до сих пор больше декларативным и организационным) шагам, к попытке создания сети нового поколения world net и современного мирового порядка можно отнести организацию БРИКС. Лидеры стран, которые ее инициируют, близки к общей трактовке МП – как сети без иерархий, высокомерия или подавления, ориентированной на равноправие в инициировании и достижении договоренностей, на стремлении к их справедливости и обоюдной выгоде. Принцип добровольного участия в ней («никому и ничего не навязывать») лежит в основе развития. Ее перспективы, возможно, сопряжены с установлением нового, невырожденного мирового порядка, который был бы, наконец, свободен от борьбы акторов за место в иерархии. Пока небывалого в истории человечества.

Заключение

Различия традиционного, вырожденного мирового порядка от ныне складывающегося (social network versus world net) отчетливо демонстрируют некоторые ключевые тезисы культовой для старого порядка книги Фридриха Августа Хайека «Дорога к рабству».

Подытоживая долгий опыт, автор полагает неизбежным, что вооруженным и суверенным государствам присуще поведение «с позиции силы». Поэтому надежда заменить переговорами стихийную конкурентную борьбу за рынки сбыта и сырья является «роковой иллюзией» [15, с. 237–238]. Именно это скверное обыкновение силовой борьбы акторов за место в иерархии ныне подлежит преодолению в становлении МП как открытой и свободной договорной сети world net. Проект нового мирового порядка, БРИКС не более утопичны, чем право, которое начало складываться две с половиной тысячи лет назад. Тогда Анахарсис говорил Солону, что паутина его законов удержит разве что слабую муху, сильный ее порвет. Как известно, скиф оказался прав только отчасти. Может быть, сейчас и складываются предпосылки подлинного международного права взамен лицемерных

«правил», которыми акторы манипулируют по собственному усмотрению?

Согласно второму из тезисов, отношение либерала к обществу подобно отношению садовника к растению [Там же, с. 34]. Применительно к мировому порядку это значит его сведение до незавидной роли растения, которое актор (главный садовник) стрижет так, как ему заблагорассудится. Современные европейские бюрократы любят эту историю – про сад, про джунгли – и мнят себя умелыми садовниками. Только вот сад-то гибнет. Нужного всем мирового порядка нельзя достичь посредством диктата садовых ножниц, он может спонтанно вырасти только из общих согласованных усилий по достижению чуткого баланса интересов.

Третий из тезисов особенно циничен. Для дела либерализма, считает автор, чрезвычайно вредно «с тупым упорством» отстаивать «примитивное» правило *laissez-faire* [Там же, с. 33–34]. Но именно «честная игра» лежит в основе построения world net и современного мирового порядка! Что же делать с подлыми шулерами и хитрыми жуликами помимо их изоляции, как усмирить разбойничьи аппетиты? Вопреки смыслу этого своего тезиса Ф. Хайек подталкивает сторонников нового мирового порядка XXI века к постановке вопроса об уместных силовых и моральных средствах санации псевдолибералов.

Соединим эти тезисы. Резюме вырожденного МП как субординации акторов (выразим его столь же прямо, как высказаны сами тезисы) могло бы состоять в утверждении: «порядок в посудной лавке определяет главный псевдолиберальный слон». Честную игру он полагает глупостью, нормальным поведением – силу, хитрость и напористость в достижении диктата. Осколки же разбитой посуды, разгром в лавке считает нормальными издержками.

Флавий Вегетий, известный римский писатель, предупреждал соотечественников: «хочешь мира – готовься к войне». Патрон «*Para bellum*» в XXI веке является стандартом НАТО, так именуется и марка популярного во времена Второй мировой войны пистолета. Впрочем, еще за многие столетия до древних римлян эту же мысль высказывал некий полководец из Фив, имя которого затерялось за давностью лет. Неужели сакраментальному «*si vis pacem, para bellum*» суждено остаться эпитафией для сгинувшего в амбициях и распрях человечества? Цена выбора (*social network versus world net*) уже чрезмерна и растет все быстрее.

Список литературы

1. Ивашковская Т.В., Павлов В.А. Мировой порядок в XXI веке: трансформация геополитической модели современного мира // Вызовы глобализации в начале XXI века. Санкт-Петербург, 2006. С. 62-67.
2. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. – СПб.: «Северная звезда», 2004. – 286 с.
3. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. – М.: Юристъ, 2003. – 575 с.
4. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
5. Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии, 1990, № 4.

6. Князева Е.И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82-88.
7. Соколова Д.А., Селиванова Т.В. От теории социальных сетей к моделированию сетевого взаимодействия (на примере российско-корейского делового партнерства на Дальнем Востоке России) // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 4. 2019. 152–161.
8. Сивоконь А.С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 157, кн.1, 2015. С. 162-169.
9. Писарев А.А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 1 (51). С. 144–157.
10. Брайант Л. Демократия объектов / пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
11. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. Том 27. №3. 2017. С. 35-56.
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2014.
13. Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Russian sociological review. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 109-130.
14. Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: ООО «Сандра», 2019. – 160 с.
15. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. Н. Ставицкой. Под ред. и с примеч. А. Бабича. London: Nina Karsov, 1983. – 289 с.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – доктор философских наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

Shorkin A. D.

THE WORLD ORDER: A NETWORK INSTEAD OF AN HIERARCHY

***Abstract:** Until now, ideas about the world order were necessarily associated with the stability of the hierarchy of geopolitical actors. It was actually reduced to the results of the struggle for leadership and world domination, to the division of spheres of influence. Forceful methods of establishing and maintaining order were considered as normal. Today the risks of following this traditional stratagem are unacceptably high. The article analyzes attempts to overcome the ubiquity of the principle of hierarchies in the methodology of actor-network theories and flat ontologies. The well-known version of the network (social network) should be preferred to a new generation network (world net) without the presence and subordination of familiar*

actors in its nodes. A promising step towards building a new world order and a new free network is the BRICS project.

Keywords: *world order, hierarchy, actor, network, flat ontology.*

References

1. Ivashkovskaya T.V., Pavlov V.A. Miroporyadok v XXI veke: transformaciya geopoliticheskoj modeli sovremennogo mira // *Vyzovy globalizacii v nachale XXI veka*. Sankt-Peterburg, 2006. S. 62-67.
2. Kefeli I.F. Sud'ba Rossii v global'noj geopolitike. – SPb.: «Severnaya zvezda», 2004. – 286 s.
3. Isaev I.A. *Politica hermetica: skrytye aspekty vlasti*. – M.: Yurist», 2003. – 575 s.
4. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskih vvedeniya v XXI vek*. – M.: Politizdat, 1990. – 413 s.
5. Gvardini R. *Konec Novogo vremeni // Voprosy filosofii*, 1990, № 4.
6. Knyazeva E.I. *Setevaya teoriya v sovremennoj sociologii // Sociologiya*. 2006. № 2. S. 82-88.
7. Sokolova D.A., Selivanova T.V. *Ot teorii social'nyh setej k modelirovaniyu setevogo vzaimodejstviya (na primere rossijsko-korejskogo delovogo partnerstva na Dal'nem Vostoke Rossii) // Izvestiya DVFU. Ekonomika i upravlenie*. 4. 2019. 152–161.
8. Sivokon' A.S. *Aktorno-setevoj podhod: istoki i perspektivy v social'no-filosofskom diskurse // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Tom 157, kn.1, 2015. S. 162-169.
9. Pisarev A.A. *Seti, ploskosti, materiya: ob upotreblenii ploskih social'nyh ontologij // Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»*. 2020. № 1 (51). S. 144–157.
10. Brajant L. *Demokratiya ob»ektov / per. s angl. O. Myshkina*. Perm': Gile Press, 2019. 320 s.
11. Delanda M. *Novaya ontologiya dlya social'nyh nauk // Logos*. Tom 27. №3. 2017. S. 35-56.
12. Latur B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / Per. s angl. I. Polonskoj*. M.: VShE, 2014.
13. Kerimov T. «*Ontologicheskij povorot*» v social'nyh naukah: *vozvrashchenie epistemologii // Russian sociological review*. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 109-130.
14. Smirnov A.V., Solondaev V.K. *Processual'naya logika*. M.: OOO «Sandra», 2019. – 160 s.
15. Hajek F.A. *Doroga k rabstvu / Per. s angl. N. Stavickoj. Pod red. i s primech. A. Babicha*. London: Nina Karsov, 1983. – 289 s.

Shorkin Alexey Davydovich – Doctor of philosophy, the Crimean Federal University of V. I. Vernadskij, Simferopol, Russian Federation.

E-mail: alexshorkin@mail.ru